

Факторы риска развития кардиоэмболического подтипа инсульта

К. М. Шарапова, Л. Б. Новикова, А. П. Аюбян, Р. Ф. Латыпова, Э. М. Колчина

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный медицинский университет», г. Уфа

Актуальность. Инсульт занимает ведущее место в структуре смертности и первое – по инвалидизации. Церебральная эмболия является патогенетической основой кардиоэмболического подтипа ишемического инсульта (КПИИ), которая составляет 30–40% всех случаев инсульта, характеризуется неблагоприятным жизненным и реабилитационным прогнозом.

Цель работы. Анализ факторов риска кардиоэмболического инсульта.

Материалы и методы. Проводился анализ факторов риска случаев КПИИ у больных, находившихся на лечении в региональном сосудистом центре города Уфы. Изучено 1294 истории болезни больных, из которых 440 (34%) перенесли КПИИ. Диагноз устанавливался на основании данных клинико-инструментального, лабораторного и нейровизуализационного обследований.

Результаты. Средний возраст больных составил 71,30 ± 0,56 года, среди них 258 (58,6%) женщин и 182 (41,4%) мужчин. Впервые перенесли инсульт 382 (87%) больных, повторно – 61 (14%). Локализация очага КПИИ в большинстве случаев была представлена в левом каротидном бассейне у 155 (35,2%) больных. В нашем исследовании факторами риска КПИИ явились: неклапанная фибрилляция предсердий (ФП) у 327 (74,3%) больных, митральная недостаточность у 173 (39,3%), глобальная патология движений стенки миокарда у 97 (22%), кальцификация митрального кольца у 92 (20,9%), механические протезы клапанов у 34 (7,7%), митральный стеноз у 19 (0,2%), синдром слабости синусового узла у 15 (3,4%), инфекционный эндокардит у 8 (1,8%), инфаркт миокарда менее 4 недель у 4 (0,9%), дилатационная кардиомиопатия у 4 (0,9%), миксома у 3 (0,7%), открытое овальное окно у 2 (0,5%) больных. Таким образом, основным фактором риска КПИИ являлась неклапанная ФП с преобладанием постоянной формы ФП у 246 (73,4%) больных. Протезирование митрального клапана у 15 (44,1%) больных проводилось по поводу ревматической болезни. Показатели коагулограммы у 259 (58,9%) больных свидетельствовали о гиперкоагуляции. Результаты оценки риска инсульта и тромбоэмболии по шкале CHA2DS2-VASc у больных с неклапанной ФП составили значения от 3 до 6 баллов. Все эти больные нуждались в терапии антикоагулянтами, однако приверженность к антикоагулянтной терапии остается низкой.

Выводы. Таким образом, учитывая, что неклапанная ФП – основной фактор риска кардиоэмболического подтипа ИИ, приоритетным направлением его первичной и вторичной профилактики является адекватная, систематическая антикоагулянтная терапия.

Клинические варианты дневной сонливости при болезни Паркинсона

О. В. Яковлева¹, М. Г. Полуэтов², О. С. Левин¹

¹ФГБОУ ДПО «Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования» Минздрава России, г. Москва

²ФГАУ ВО «Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова (Сеченовский университет)» Минздрава России, г. Москва

Актуальность. Дневная сонливость (ДС) является распространенным симптомом болезни Паркинсона (БП). Развитие ДС может происходить по целому ряду причин, выявление которых затруднено.

Цель работы. Определить основные причины дневной сонливости (ДС) при болезни Паркинсона (БП).

Материал и методы. Обследовано 48 больных БП с жалобами на ДС. Средний возраст составил 64,6 ± 8,5 года, Соотношение мужчин и женщин – 32:16. Проведены клинико-неврологическое обследование, тестирование по Эпвортской шкале сонливости (ESS), шкале нарушений сна при БП (PDSS-2), Госпитальной шкале тревоги и депрессии (HADS); ортостатическая проба. Сорока пациентам были проведены полисомнография (ПСГ) и множественный тест латентности сна (МТЛС).

Результаты. У 67,5% пациентов средняя латентность сна (СЛС) составила ≤ 8 минут, что подтверждает синдром гиперсомнии. У 32,5% СЛС составила более 10 минут (субъективная ДС). Были выявлены следующие причины развития гиперсомнии: ДС на фоне приема агонистов дофаминовых рецепторов (АДР); нарколептический синдром (3 пациента); синдром обструктивного апноэ сна (СОАС). Среди причин субъективной ДС были определены: ортостатическая/постпрандиальная гипотензия (ОГ/ПГ); аффективные нарушения (тревога/депрессия). ОГ была связана с развитием субъективной ДС и выявлялась только у одного пациента с СОАС ($p < 0,0001$). У пациентов с СОАС был более высокий ИМТ ($33,4 \pm 6,1$ кг/м²) в сравнении с другими пациентами ($25,8 \pm 4,12$ кг/м²); $p = 0,0127$. Отличительной чертой пациентов с субъективной ДС на фоне аффективных нарушений был более высокий балл по субшкале «тревога» ($9,8 \pm 0,8$ и $6,3 \pm 3,4$ балла; $p = 0,039$).

Заключение. ДС при БП может быть разделена на два клинических варианта: гиперсомнию и субъективную ДС. АДР являются причиной гиперсомнии у 42,5% пациентов, СОАС – у 17,5%, нарколептический синдром – у 7,5% пациентов. Субъективная ДС встречается у трети больных и может быть связана с ОГ/ПГ (20%) или аффективными нарушениями (12,5%). ОГ является предиктором субъективной ДС, в связи с чем ортостатическая проба должна использоваться при диагностике ДС. У пациентов с высоким ИМТ в первую очередь должен быть исключен СОАС как вероятная причина ДС. При поиске причины ДС у пациентов с БП необходимо учитывать, что клинически значимые тревога и депрессия также могут являться факторами ее развития.

Для цитирования. Тезисы молодых ученых, представленные к XVI Междисциплинарной конференции «Вейновские чтения» (27 февраля – 29 февраля 2020 г., г. Москва) // Медицинский алфавит. Серия «Неврология и психиатрия». – 2020. – Т. 1. – 1 (415). – С. 40–56.

